

12. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. М., 1987.
13. *Ленк Х.* Спорт как современный миф? // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления / Под ред. И. Т. Касавина и В. Н. Поруса. СПб., 1999.
14. *Шиллер Ф.* Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1957.
15. Цит. по: *Олимова В.* Люди и игры: у истоков современного спорта. М., 1985.
16. *Руднев В.* Психоанализ футбола // Логос. 1999. № 8.
17. *Livers K. A.* The soccer match as stalinist ritual: constructing the body social in Lev Kassil's *The Goalkeeper of the Republic* // The Russian Review. 2001. № 60.

© Николаева Е. А.
г. Саранск

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

Женское литературно-художественное творчество не только завоевало свое место в отечественном культурном пространстве, но и постепенно обретает научный статус. Первым шагом тому послужили многочисленные работы критиков, представленные в периодике начиная с XIX в. На современном этапе уверенно развивается теория женской литературы, трактующая ее как вербальное воплощение женской ментальности посредством системы культурно опосредованных символов женственности.

Женская литература как многоуровневая система, подчиняющаяся собственным законам, отличается, во-первых, полиэлементностью женского творчества. В результате взаимодействия отдельных компонентов литературная система приобретает особое свойство, отличное от свойств ее составляющих. Так, женская литература состоит из множества произведений, относящихся к одному из трех литературных родов, каждый из которых соответствует определенной функции слова: репрезентативной (эпос), эмотивной (лирика) и коммуникативной (драма). В результате их объединения основным свойством женской литературы является стремление к возможности внести в современное литературное творчество иные, отличные от официально признанных, знаково-символические элементы, порожденные архетипом Матери, что позволит дополнить описание созданной с позиций патриархата картины мира. Во-вторых, исследование подобной системы должно проводиться при условии сочетаемости трех аспектов: предметного, функционального и исторического.

Учитывая изложенное выше, женскую литературу можно представить в качестве типологической биосоциокультурной модели, состоящей из четырех пластов:

1. *Ядро модели* — архетип Матери, элемент бессознательного, который определяет отражающуюся в тексте гендерную специфику женской ментальности.

2. Зоны проявления основных свойств архетипа Матери (*архетипические универсалии*) — социально активизированный биологический потенциал женщины. Пространство действия универсалий определяется понятиями «Дом», «Ребенок», «Мужчина». Анализ универсалий проводится с обязательным учетом их проникаемости, пересечений и наложений, которые определяются функциями цели, средства или результата достижения.

3. *Социокультурный пласт* — грань сцепления текста с контекстом, позволяющая определить временной колорит выделенных универсалий, выявляя специфику эволюции женской ментальности и «передвинуть анализ с уровня описания замкнутого в себе смысла на уровень объяснения смысла» [1].

4. *Проблемно-тематический пласт* — художественно отраженный в литературе результат влияния социокультурных условий, представляющий собой решение наиболее актуальных для той или иной эпохи вопросов.

Данная модель позволяет определить изменения, происходящие в архетипе Матери под воздействием социокультурных условий и опосредованных темами и проблемами произведений, созданных женщинами-писательницами и характерных именно для данной временной эпохи.

Известно, что каждая национальная культура обладает собственной этноспецификой, определяющей особенности мировоззрения, характера, художественного творчества и исторической судьбы народа. Способ выражения этноспецифики закреплен понятием «культурный архетип». Такими этническими доминантами являются, например, в германской духовности архетипический образ Вотана; среди русских этнокультурных архетипов выделяется ориентация на потаенную святость, выраженную в образах «града Китежа» или фольклорного Иисуса, а также такие первичные образования русской духовности, как отзывчивость или открытость и устойчивая модель представлений о России в женском образе. Взаимодействие культурного архетипа с окружающей средой и порождает проявление особенностей национального характера.

«Общая картина» русского национального характера определяется с учетом равноправности положения этнопсихологического элемента в структуре ментальности. На основе отечественных и зарубежных исследований, трудов, художественных произведений и путевых заметок в качестве наиболее специфических свойств русского характера называются следующие: всечеловечность, смирение, соборность (братство, коллективизм), «русскость» (мистичность и иррационализм) в познании мира, неоформленность, непостоянство, природность, милосердие и таинственность. В гендерной картине мира этими качествами характеризуется женственность. Основой женственности, в свою очередь, выступает материнское начало, выраженное архетипом Матери.

На русской почве данный праэлемент приобретает усиленное звучание, выражая себя, по мнению философа О. В. Рябова, в трех ипостасях [2]. Это историософема Родины-Матери, структурный компонент национальной идентичности, представленный формулой «Россия — Дом Богородицы», и миф о русской женщине, основой которого является ее невероятно высокая оценка (при условии ее нахождения на более низкой иерархической ступени). Свой-

ственные русской женщине физическая и нравственная сила, забота, жертвенность, асексуальность — вот основные качества материнского архетипа, благодаря чему русская женщина и предстает прежде всего как Женщина-Мать.

Эти три ответвления произрастают из единого корня — архетипа Матери, получившего в России специфическую направленность. В связи с этим логично возникновение вопроса: почему столь благосклонно воспринимается идея о «женскости» русского характера, если сама женщина изначально занимала периферийное положение?

Причиной этого, на наш взгляд, является иная, чем на Западе, стержневая основа русского общества. Если Западная Европа проповедовала культ семьи, то на Руси приоритет отдавался родовым ценностям. В пантеоне языческих богов восточных славян, по мнению историков, одно из важных мест занимал Род, ведающий судьбами людей («чего на роду написано, никому не миновать!»). Однако никаких изображений, никаких особых следов культа Рода не сохранилось. Оставляя незначительные материальные следы в культуре, Род оставил заметный след в славянских языках (особенно в русском): *род, родить, родименький, родник, урожай, природы, роды, родника*. И. Корчагина, проведя сравнительно-сопоставительное исследование слов с корнем *-род-* и ссылаясь на их множество, убеждена в том, что род был повсюду: сопровождал человека в будни и праздники, внушал ему необходимость, значимость и неизбежность родовых понятий. Только человек, принадлежащий к определенному роду, пользовался уважением. Человек «без роду, без племени» превращался в изгоя, лишался имущественных, политических и сугубо человеческих прав. Видимо, поэтому люди так дорожили родовыми связями, выстраивая строго регламентированную иерархию родовых отношений, в которую входили родственники как кровные, так и приобретенные (например, свекровь, сноха, золовка, шурин и т. п.).

Патриархальный родовой уклад требовал, чтобы кто-то следил за его целостностью, нерушимостью неперменным соблюдением традиций, норм и правил, присущих обществу. В подобной роли чаще всего выступала женщина, потому что на мужчину возлагались «внешние» функции, такие как охота, полевые работы, защита от нападения врагов и т. п., выполняя которые, он физически мог выступить в роли транслятора родовых традиций. К тому же одной из психологических особенностей мужчин является их способность к масштабному мышлению, в то время как традиции рода — это прежде всего незначительные, на первый взгляд, мелочи, составляющие в своей совокупности основное отличие. И третьим немаловажным фактором являлось также и то, по утверждению И. Корчагиной, что мужчины редко доживали до преклонных лет в силу особенностей своего времяпрепровождения (войны, охоты и т. п.), тогда как почитаемый родоначальник для должного поклонения не мог быть молодым [3].

Как правило, хранителем и транслятором родовых традиций являлась женщина в силу практически постоянного отсутствия мужчины, принимавшего активное участие прежде всего в защите родной земли. Россия утвер-

ждала: «Не красна изба углами, красна пирогами», «Дом что полная чаша». Такая «кухонная направленность» была хоть и косвенным, но все же утверждением женской власти рода. К мужчине относились с уважением, его слушались, это был Хозяин, однако последнее слово всегда оставалось за женой: «Утро вечера мудренее, жена мужа удалее». Но очевидное никогда не обсуждалось и воспринималось как должное: муж — всегда глава семьи, Сам. «Сам пришел, Сам велел», — таким образом женщина добровольно утверждала свою вторичность. Однако лингвистические особенности, формировавшиеся в течение не одного года и даже не одной сотни лет, слишком явно указывают на истинное положение дел: в русском языке название главы семейства имеет женское окончание: папа, батюшка. То есть в языке закрепилось материнское, женское начало.

Вывод важен и парадоксален: патриархальная система Руси поддерживается... женщиной, опекающей, оберегающей, помогающей, убирающей неточности и несоответствия, гасящей разногласия, т. е. женщиной, проявляющей себя в типично материнских функциях. Потому и наделяется русский национальный характер чертами, свойственными женщине, что формирование его протекает под ее неусыпным «контролем», выстраиваясь в рамках отношений «мать — сын», а не «отец — сын» (что было более свойственно западной культуре). Подобные отношения получили в работах американского исследователя Д. Ранкур-Лаферье название «матрифокальности» [4].

Таким образом, матрифокальная матрица, возникающая при наложении основы женской ментальности (т. е. особенности русского менталитета), и есть суть русской женской души (русское воплощение, восприятие, отношение к архетипу Матери). И именно «удвоенный» архетип Матери лежит в основе типологической модели женского литературно-художественного творчества.

Оставаясь по существу неизменным, архетип Матери в соответствии с требованиями эпохи реализует себя тем или иным способом в литературе, созданной женщинами — хранительницами традиций, под которыми понимаются основные накопители и трансляторы стандартизированного социального опыта общества, претерпевающие изменения под влиянием исторических условий. Данные изменения послужили основой выделения следующих фаз развития традиции:

— *фаза априорности традиций*, нашедшая свое художественно-вербальное воплощение в произведениях устного народного творчества;

— *фаза инсталляции традиций* (т. е. их установка, частичная трансформация утилитарных и социально-регулятивных функций). Наиболее ярким отражением этого этапа является женская литература XVIII в. (например, творчество А. Жуковой, В. Карауловой, Е. Княжниной и др.);

— *фаза институционализации традиций*, которая подразумевает закрепление определенных общественных отношений, приводящих к учреждению новых социальных институтов. Этот циклично повторяющийся процесс запечатлен литературой середины XIX и середины XX вв. (например, в произведениях Ю. Жадовской, К. Павловой, Н. Хвошинской; Н. Крандиевской-Голстой, В. Тушновой, Г. Щербаковой и др.);

— фаза транслокации (или мутации) традиций, наиболее характерная для эпохи рубежа веков (как XIX–XX, так и XX–XXI вв.), что находит свое отражение в творчестве Г. Галиной, А. Герцык, Т. Щепкиной-Куперник; М. Вишневецкой, В. Павловой, Р. Полищук и др.

В рамках данных фаз и происходит развитие женского литературного творчества, являющегося вербально зафиксированной в своем развитии женственностью.

Примечания

1. *Смирнов И. П.* Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста: (О стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 203.
2. *Рябов О. В.* «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.
3. *Корчагина И.* Парадоксы души русской женщины. М., 1997.
4. *Rancour-Laferriere D.* The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. N. Y.; L., 1995. P. 138.

© Нискулова С. И.
г. Екатеринбург

ГРАНИЦЫ ЛИРИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

(на примере текстов С. Гандлевского)

Интерпретировать текст вовсе не значит наделять его неким конкретным смыслом (относительно правомерным или относительно произвольным), но, напротив, понять его как воплощенную множественность.

Р. Барт. «S/Z»

Даже ничего не сообщая, дискурс демонстрирует существование коммуникации; даже отрицая очевидность, он утверждает, что слово конструирует истину; даже имея целью обман, он играет на игре в свидетельство.

Ж. Лакан. «Функция и поле речи и языка в психоанализе»

В рамках сложившейся после лингвистического переворота парадигмы личность — персону сменяет повествовательная личность. Поэтому, говоря о лирической субъектности, мы имеем в виду конструирование речи лирического героя и формы речевого присутствия других субъектов в тексте, их взаимодействия. Речевые формы репрезентации себя и другого будут, таким образом, отражать уровень идентификации, влекущей за собой возможность осознавать собственные границы и устанавливать объектные отношения.